

Глава 1

— Слышал? Из дворца Цяньмин опять вытащили несколько трупов. Перед залом всё в крови.

— С ума сошёл? Зачем ты об этом?

— Говорят, туда снова людей набирают. Боюсь, как бы...

— Цыц, да разве это до нас дойдёт? Тоже мне, выдумал.

Два внуха, сбившиеся в кучу под сенью деревьев, говорили шёпотом, боясь, что их кто-нибудь услышит. Послеполуденное безделье располагало к сплетням — дело житейское, — но когда речь заходила о нём, всё менялось. В любом другом месте они бы и слова не проронили, но здесь, в Северных покоях, можно было позволить себе немного вольности.

Несколько рядов невзрачных домишек, затерянных среди блеска и великолепия дворцового комплекса. Снаружи их окаймлял длинный, узкий переулок, отделявший свет от тьмы.

В Северные покои заглядывали немногие. Кроме патрульных стражников, здесь бывали лишь матушка Мин, отвечавшая за порядок, да главный евнух Чэнь Миндэ с горсткой слуг на побегушках. Жизнь здесь текла медленно, и новости доходили с опозданием. То, о чём сейчас шептались Чаншоу и Ую, случилось уже четыре или пять дней назад.

— В Северных покоях дел мало, никто не лебезит перед начальством и не подсиживает других,
— Ую, чьё имя означало «беззаботный», ценил покой. — Неужели ты хочешь отсюда уйти?

Чаншоу вспыхнул и возмущённо пробормотал:

— Кто, как ты, совсем без амбиций? Кому охота здесь всю жизнь прозябать?

В этот момент из-за угла показалась фигура с охапкой выстиранного белья. Ую, заметив её, ткнул пальцем:

— А вон, смотри, есть один такой.

Это был Цзинчжэ.

Он был самым старшим из них — ему уже исполнилось девятнадцать.

Главный евнух Чэнь Миндэ рассказывал, что, когда набирали молодых слуг, никто не хотел идти в это захолустье. И только Цзинчжэ сам подошёл и умолял взять его.

Чэнь Миндэ, будучи главным в Северных покоях наравне с матушкой Мин, конечно, имел свои соображения.

Цзинчжэ был красив.

Среди всех юных евнухов того набора он выделялся. С такой внешностью найти хорошее место во дворце было несложно, так зачем же он добровольно просился в Северные покои?

Но тогда в его глазах таилась непонятная тоска, и стоило ему моргнуть, как прозрачные зрачки будто затягивала туманная дымка.

Что-то дрогнуло в душе Чэнь Миндэ, и он оставил юношу у себя.

Он и представить не мог, что пройдут годы, а Цзинчжэ так и будет тихо и мирно служить в Северных покоях, в отличие от тех, кто из кожи вон лез, чтобы вырваться отсюда. Казалось, он мечтал пустить корни в этой бесплодной почве.

Цзинчжэ проследовал к колодцу, потратил некоторое время на стирку, а затем понёс бельё обратно. По пути он встретил Чаншоу, который с улыбкой поприветствовал его и добавил:

— Тебя ищет дедушка Дэ.

Чэнь Миндэ было сорок шесть, и его положение позволяло называть его так уважительно.

Цзинчжэ поблагодарил и, неся деревянную бадью, пошёл дальше.

Чаншоу искоса взглянул на тёмно-синее платье в бадье. Это была одежда одной из престарелых цайжэнь, живших в Северных покоях. По идее, её должны были стирать служанки, но здешние девушки были ленивы и порой забывали о своих обязанностях. А обитательницы «холодного дворца», как его называли, не могли ими командовать. Лишь один Цзинчжэ, этот добряк, брался за такую работу.

Даже в лютую зиму.

Развесив одежду, Цзинчжэ отправился к Чэнь Миндэ.

Покои главного евнуха были просторнее, чем у остальных, и при нём состоял юный слуга по имени Саньшунь. Саньшунь был простодушен и неразговорчив, обычно молчал как рыба. Возможно, именно поэтому он и приглянулся Чэнь Миндэ, который предпочёл его более бойкому Чаншоу.

Однако с Цзинчжэ Саньшунь ладил и всегда встречал его улыбкой. Вероятно, это было связано с тем, что несколько лет назад, когда Чэнь Миндэ слёг с жаром, Цзинчжэ ухаживал за ним.

Кроме Саньшуня, у дверей стояли ещё двое юношей. На вид — не из Северных покоев.

Саньшунь провёл Цзинчжэ внутрь. В небольшой комнате, помимо Чэнь Миндэ, сидели ещё двое: матушка Мин и незнакомый евнух средних лет в тёплом стёганом плаще. Яркий цвет его одеяния говорил о высоком статусе.

Во дворце евнухам низших рангов дозволялось носить лишь серо-синие одежды, зимой — синие. Наряды служанок были ярче, но и их выбор был ограничен.

Чем светлее и насыщеннее цвета, тем выше положение.

Хотя евнух был незнаком, Цзинчжэ узнал его. Семь лет назад, во время отбора новичков, он тоже присутствовал.

Это был Цянь Цинь, главный управляющий Императорской кухни.

Цянь Цинь был тучным и говорил мягко. Он удостоил Северные покои своим визитом, но держался без малейшего высокомерия.

— Чэнь Миндэ говорил мне, что ты мастер варить супы, — спокойно произнёс он.

— Не смею похвалиться своим умением перед управляющим, — ответил Цзинчжэ.

— Одна знатная госпожа желает отведать суп из хурмы по-сянфаньски, а на Императорской кухне никто не знает, как его готовить. Я слышал, ты родом из Сянфаня и умеешь его варить. Считай, что окажешь мне услугу, если научишь моих подмастерьев.

Цянь Цинь выразился ясно: он не собирался допускать Цзинчжэ к делам Императорской кухни, а лишь хотел позаимствовать его на несколько дней для обучения.

После таких слов Цзинчжэ не мог отказаться.

Ведь сам главный управляющий явился лично — у кого хватило бы духу ему отказать?

Договорившись, что завтра Цзинчжэ будет ждать на Императорской кухне, Цянь Цинь со своими людьми удалился.

Лицо Чэнь Миндэ помрачнело. Он искоса взглянул на матушку Мин и холодно бросил:

— Это ты проболталась о Цзинчжэ?

— Новая госпожа очень капризна и пользуется большой милостью, — беззаботно ответила матушка Мин. — Захотела она суп из хурмы по-сянфаньски, и что прикажешь делать Императорской кухне? Конечно, искать того, кто умеет его готовить. У Цзинчжэ есть этот навык, он поможет на время, а там, глядишь, и для себя выгоду найдёт. Разве я не права?

— Чтобы наслаждаться несметными богатствами, нужно сначала жизнь сохранить. Матушка, впредь прошу не посягать на моих людей.

Матушка Мин хмыкнула и бросила на Цзинчжэ косой взгляд.

— Если бы не его умение, я бы и словом не обмолвилась. Ну что ж, раз моя доброта вам не нужна, не буду мешать.

Когда она ушла, Чэнь Миндэ сжал переносицу и вздохнул.

— Дедушка Дэ, не тревожьтесь из-за меня. Всего на пару дней, ничего страшного.

Чэнь Миндэ холодно усмехнулся:

— Ничего страшного? Если бы всё было так просто, думаешь, Цянь Цинь притащился бы сюда лично? Он своего не упустит. Специально пришёл, чтобы засвидетельствовать мне своё почтение и заставить оказать ему услугу.

Он закашлялся. Цзинчжэ шагнул вперёд и подал ему чашку с горячим чаем.

Чэнь Миндэ взглянул на него и снова вздохнул.

— Скажи-ка мне, как ты думаешь, зачем на самом деле приходил Цянь Цинь?

Цзинчжэ помолчал мгновение, а затем тихо ответил:

— На Императорской кухне столько людей... Найти выходца из Сянфаня, может, и трудно, но найти того, кто научится готовить суп из хурмы, не должно быть так уж сложно. Он обратился к вам, дедушка Дэ, вероятно, потому что... если что-то случится, так будет проще найти виноватого.

Госпожа, о которой говорил Цянь Цинь, была Цайжэнь Лю, прибывшая во дворец в прошлом году.

Её преподнёс в дар принц Хуайнаньский. Она была прекрасна как цветок и весьма талантлива. С самого появления во дворце она пользовалась безграничной милостью императора вот уже более полугода.

В детстве госпожа жила в Сяньфане, а позже переехала на юг. Недавно она простудилась и, лёжа в болезни, затосковала по родине, пожелав отведать сяньфаньский суп из хурмы. А раз госпожа приказала, слуги должны были исполнить.

— Но это же просто суп, к чему такая суета? — голос у Цзинчжэ был приятный, но немного хрипловатый, и в нём слышалось лёгкое недоумение.

Когда фаворитка чего-то желает, обычно ей всё приносят на блюдечке, наперебой. Поступок Цянь Циня был по меньшей мере странным.

— Может быть, потому, что с этим супом уже случалась беда?

Цзинчжэ кое-что умел. Однажды, когда Чэнь Миндэ лежал в жару, он хлопотал вокруг него и готовил еду. Тогда, в полусне, Чэнь Миндэ ничего не сказал, но, придя в себя, дал ему несколько советов.

Среди прочего, он велел ему никогда больше не готовить суп из хурмы.

Чэнь Миндэ резко вскинул голову, его ледяной, сдавленный голос дрожал от ужаса:

— Никогда больше не произноси этих слов!

Выйдя из покоев, Цзинчжэ увидел глуповатую улыбку Саньшуня, и его подавленное настроение немного улучшилось. Он перебросился с ним парой слов и направился к своему жилищу.

Внутренние ряды домиков предназначались для господ. Пусть и впавших в немилость, но всё же господ. Прислуживающие им евнухи и служанки ютились в комнатах по несколько человек во внешнем крыле.

Впрочем, в Северных покоях было тихо, и работы было немного.

Уборка, стирка, ежедневная доставка еды — вот и все дела. Внутри покоев прислуживали несколько служанок; евнухов звали только на тяжёлую работу.

Чаншоу догнал его и хлопнул по плечу.

— Цзинчжэ, зачем тебя звал дедушка Дэ?

— Императорская кухня ищет помощника, который умеет варить суп. Меня отправляют туда на несколько дней.

Чаншоу одновременно удивился и позавидовал, его взгляд упал на распухшие, покрасневшие руки Цзинчжэ.

— Такое дело, и вдруг обратились в Северные покои?

— По рекомендации матушки Мин, — добавил Цзинчжэ.

Чаншоу бросил быстрый взгляд на его спокойное лицо и протянул:

— А-а-а... матушка Мин...

Все знали, что матушка Мин и Чэнь Миндэ, хоть и работали вместе, по какой-то причине недолго любили друг друга, и атмосфера между ними всегда была напряжённой.

Слуги на побегушках прекрасно это понимали, и, услышав, что рекомендация исходила от матушки Мин, перестали считать это удачей.

Чаншоу был уверен, что это ловушка, и взгляд его изменился.

В этот момент прибежала служанка Сяжи, прислуживавшая в одном из внутренних покоев. Сказав, что госпоже нужно переставить что-то тяжёлое, она без лишних слов утащила с собой отдохавших Чаншоу и Минъюя. В тёмной комнате остался только Цзинчжэ.

Он прибрал свою постель, распахнул окна и только тогда обратил внимание на собственные руки.

Зимняя стирка была настоящим мучением. Угля почти не выдавали, а руки приходилось опускать в ледяную воду. Пальцы замерзали, ныли и распухали, порой боль становилась невыносимой.

Неудивительно, что служанки так не любили эту работу.

Цзинчжэ помедлил, затем взглянул на маленький деревянный шкафчик у своей кровати.

Такие шкафчики были у всех. Внизу хранилась сменная дворцовая одежда, а в верхнем ящике — личные вещи.

Раньше Цзинчжэ не запирали свой шкафчик, но после нескольких краж повесил замок.

Он вытащил из-за ворота ключ, осторожно открыл замок и достал из верхнего ящика маленькую нефритовую бутылочку.

Гладкая, округлая, она выглядела изящно и явно была не тем, что мог позволить себе человек его положения.

Он наклонил флакон, выдавил на ладонь каплю молочно-белой жидкости, убрал бутылочку и принялся медленно втирать мазь в кожу. На обмороженных участках защипало, но, когда он растер мазь, мучительная боль и ломота постепенно утихли.

Но, растирая руки, Цзинчжэ погрузился в свои мысли, и лицо его побледнело.

Он думал о том, что с ним произошло.

Три месяца назад с Цзинчжэ начало твориться нечто странное.

С какого-то дня в его ушах стал раздаваться странный, сухой голос.

В первый раз Цзинчжэ испугался, решив, что столкнулся с призраком. Но после второго и третьего раза он, наоборот, успокоился.

Дворцовым слугам болеть не полагалось.

Если ты был на хорошем счету у господина, это ещё полбеды. Но таких, как Цзинчжэ, — евнухов и служанок — не то что лечить, их просто выкидывали умирать, и это считалось удачей.

Если он и вправду заболел чем-то неизлечимым, паниковать было бесполезно.

Оставалось только ждать смерти.

До того самого дня.

Это был самый обычный осенний день. Чаншоу сказал, что повредил руку и не может носить тяжести. Цзинчжэ подменил его и отправился на Императорскую кухню. На обратном пути странный голос раздался снова.

[Задание 1 провалено. Примите наказание.]

Цзинчжэ нахмурился и ускорил шаг, стараясь выбросить голос из головы.

Слово «задание» он уже слышал пару раз, но заставлял себя игнорировать этот слуховой обман.

Незадолго до этого его посылали помочь с похоронами молодого евнуха по имени Дэшунь. Просто завернули в рогожу и закопали за пределами дворца.

Когда придёт его черёд, разницы не будет.

Цзинчжэ дожил до девятнадцати лет. Эти годы, по сравнению с судьбой его семьи, казались украденной удачей. Если суждено умереть, так он просто отправится к ним.

[Случайный эффект: Всеобщая любовь]

[**Эффект: В течение 2 часов (примерно один шихэнь) все, кто увидят носителя, влюбятся в него**]

Даже привыкший игнорировать голоса Цзинчжэ был ошеломлён.

Бафу? Что это? Всеобщая любовь?

Что за бред?

Цзинчжэ нашёл это смешным. Неужели эти голоса знали, что он сирота, и решили, что ему не хватает любви?

В этот момент из-за угла вышли несколько слуг. Впереди шла старшая служанка из дворца Чэнхуань. Цзинчжэ отступил в сторону, чтобы не столкнуться с ней.

Старшая служанка прошла мимо, но, бросив на него случайный взгляд, резко остановилась.

Цзинчжэ замер, услышав её вопрос:

— Ты из какого дворца, евнух? Что-то я тебя не припомню.

— Я служу в Северных покоях, сестра. Неудивительно, что вы меня не знаете.

— Вот оно что. Вижу, ты парень усердный. В конце года будет аттестация, может, перейдёшь во дворец Чэнхуань?

Не только Цзинчжэ был поражён, но и слуги позади неё в изумлении подняли головы.

Это было слишком внезапно и прямолинейно.

Когда они разглядели лицо Цзинчжэ, их удивление сменилось каким-то лихорадочным восторгом, даже более сильным, чем у старшей служанки. Один из евнухов шагнул вперёд и схватил Цзинчжэ за запястье, смеясь:

— Сестра Цю И, у вас глаз-алмаз! Такое сокровище отыскали! Если упустим, это будет огромная потеря...

Слуги окружили его, их глаза горели странным, безумным огнём, словно они хотели сорвать с него одежду.

Ещё одна служанка подошла и потянулась, чтобы коснуться его лица.

От прикосновения евнуха у Цзинчжэ уже волосы встали дыбом, а при виде второй руки его пробил озноб.

Он резко выдернул руку и скованно проговорил:

— Благодарю за вашу доброту, сестра, но простите мою дерзость. Госпожа ждёт еду, мне нужно спешить.

К концу фразы Цзинчжэ уже сам не понимал, что несёт. Он поспешно поклонился и развернулся, чтобы уйти.

Сначала он шёл. Но, услышав за спиной шаги, побежал.

Он не ожидал, что этот «бафу» окажется таким ужасным!

Северные покои были самым отдалённым уголком Запретного города. Иногда, чтобы избежать неприятностей, Цзинчжэ выбирал обходные пути. По крайней мере, в умении петлять по этим запутанным коридорам, не натываясь на стражу, он превосходил своих безумных преследователей.

Обычно он шёл прямо на север по дворцовой дороге от врат Сицин. Но теперь, спасаясь от погони, он свернул у врат Цанчжэнь, добежал до врат Цичжи и, сделав большой крюк,

вернулся к залу Фэнсянь.

К тому времени, как он добрался до зала, шаги преследователей отдалились, словно они потеряли его след.

Цзинчжэ поднял голову, взглянув на табличку над входом. Вторгаться внутрь он не смел. Но слева был небольшой дворик с маленьким храмом из трёх залов. Не останавливаясь, он толкнул дверь, скользнул внутрь и спрятался за ней, затаив дыхание.

Преследователи действительно добрались до зала Фэнсянь, но это место было слишком торжественным, чтобы шуметь. Покричав немного и не получив ответа, они отправились на поиски в другое место.

Только когда все звуки стихли, Цзинчжэ отнял руку ото рта и жадно глотнул воздух.

Они что, с ума сошли?!

Слугам запрещено бесцельно бегать по дворцу. Их погоня была ужасающей. Неужели всё это из-за того «бафу»?

Может, это не слуховые галлюцинации, а в его ухе действительно сидит какое-то чудовище, которое говорит и колдует?

Цзинчжэ, бледный от ужаса, огляделся. Он был похож на испуганного, промокшего под дождём воробья и даже не осознавал, что дрожит всем телом. Дрожит от страха перед неведомым чудовищем и его способностью управлять людьми.

«Странно...» — пробормотал он.

Почему здесь нет ни одного стражника? Это же зал Фэнсянь, как он мог так легко сюда попасть?

Во время бегства он не думал об этом, но теперь, успокоившись, почувствовал неладное.

— Ох!

Он обернулся и наткнулся на высокую тёмную фигуру, едва не врезавшись в неё.

Цзинчжэ отшатнулся, прижавшись спиной к воротам. Подняв голову, он наконец разглядел мужчину.

На нём была форма дворцовой стражи.

У стражника было поразительно красивое лицо, с бровями, острыми как лезвия, и высоким, прямым носом. Но оно было лишено всякого выражения.

Эта красота была холодной, удушающей, а равнодушный взгляд — острым, как клинок, и нёс в себе пугающую мощь. Тёмные, как сама смерть, зрачки дрогнули и медленно опустились на Цзинчжэ.

— Ты кто? — голос был мелодичным, с необычным, слегка протяжным акцентом, словно слова катились с языка с какой-то иноземной напевностью.

Сердце Цзинчжэ заколотилось. Необъяснимое чувство опасности тяжестью осело внизу живота.

Тот «бафу»...

При воспоминании о безумных преследователях у него задрожали ноги. Он резко развернулся, собираясь бежать из этого храма.

Но рука, перелетев через его плечо, с силой ударила по воротам.

Бам!

Тяжёлый удар, и дверь, до этого приоткрытая, захлопнулась.

[Задание 2 провалено. Примите наказание.]

[Случайный эффект: Тактильный голод]

[**Эффект: В течение 1 часа (примерно полшихэня) все в радиусе десяти шагов от носителя будут испытывать жажду физического контакта. Невозможность прикоснуться к чужой коже вызовет беспокойство, смятение и потерю контроля.**]

В глазах у Цзинчжэ потемнело. Что за напасть?

Откуда взялось второе задание?!